

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рустем Тимурович Мифтахутдинов

*Кандидат юридических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета
и Московского государственного юридического
института им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Современный этап развития отечественного законодательства о банкротстве характеризуется тем, что за относительно короткий временной промежуток отечественный правопорядок с переменным успехом пытается заполнить доктринальный и правоприменительный вакуум, длившийся в этой сфере почти семьдесят лет. Опираясь на уже выработанные за рубежом подходы, это делать гораздо легче, но тем не менее большая часть еще существующих трудноразрешимых проблем связана с несистемным заимствованием. Особняком стоит институт конкурсного оспаривания, нормы которого были перенесены на российскую почву из немецкого правопорядка практически без изъянов, и этот институт хорошо вписался в пока существующую прокредиторскую модель отечественного Закона о банкротстве. Основная цель конкурсного оспаривания — защита имущественных интересов кредиторов, необходимое пополнение конкурсной массы с целью сокращения разницы между стоимостью конкурсной массы и общим размером требований кредиторов.

Эффективность практически любого правового института зависит от того, насколько хорошо прописана законодательная основа с точки зрения как системности регулирования, так и легкости толкования целей законодателя правоприменителем, и в этой части институту оспаривания сделок, конечно, повезло: в таком тандеме институт оспаривания сделок при банкротстве в российском праве можно смело отнести к самому развитому среди прочих банкротных институтов.

Предпринятое Р. К. Лотфуллиным исследование имеет ярко выраженную утилитарную направленность и является особенно своевременным в отсутствие других работ по данной тематике, охватывающих рассматриваемый предмет в таком широком масштабе. Читая книгу, читатель может убедиться в том, что автором проделан значительный труд по выявлению и анализу знаковых дел, лежащих в основе правоприменительной практики по оспариванию сделок в банкротстве. Крайне полезны для юриста-практика приводимые в книге детальные разъяснения относительно предмета доказывания, бремени опровержения презумпций, особенностей доказывания отдельных обстоятельств и фактов, процессуальных особенностей рассмотрения дел об оспаривании широкого круга сделок и

действий должника. Также нельзя не отметить предлагаемые автором полезные практические советы, например алгоритм выявления недействительных сделок должника, который включает в себя таймлайн с указанием даты возбуждения банкротного дела, периодов подозрительности и предпочтительности, а также определение круга заинтересованных по отношению к должнику лиц.

Представляется необходимым обратить внимание на некоторые вопросы и проблемы, рассматриваемые в данной книге.

Чрезвычайно интересен блок положений, посвященный оспариванию сделок по общегражданским основаниям, под которыми понимаются совершение сделки при злоупотреблении правом (ст. 10, 168 ГК РФ), мнимость сделки (п. 1 ст. 170 ГК РФ) и притворность сделки (п. 2 ст. 170 ГК РФ). Наличие как общегражданских, так и специальных банкротных оснований недействительности сделок вызывает обоснованный вопрос: исходя из каких факторов следует выбрать именно общегражданские основания оспаривания сделок в случае, если сделка совершена в периоды подозрительности и предпочтительности, установленные Законом о банкротстве? Как показывает проведенное автором исследование, судебная практика при оценке возможности оспаривания сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ, кроме прочего, исходит из необходимости наличия таких пороков сделки, которые выходят за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок. Однако для пытливого ума при этом до сих пор остается загадкой, о каких таких пороках, не уместяющихся в лоно конкурсного оспаривания, идет речь, ведь порок, лежащий в основе самого конкурсного оспаривания, — это лишь частный случай злоупотребления правом, направленный на нарушение справедливого распределения активов должника в условиях их недостаточности.

Пытливый читатель при ознакомлении с данной работой также наверняка обратит внимание на то, что ввиду наличия особых презумпций и правил распределения бремени доказывания, установленных Законом о банкротстве, в судебной практике возникают вопросы о соотношении оспаривания сделок по специальным основаниям с необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота и соблюдения общей цели законодательства о банкротстве. Безусловно, формальное наличие банкротных оснований для оспаривания сделки должно анализироваться с точки зрения общей направленности законодательства о банкротстве. Например, очевидно, что оспаривание сделки или платежа как совершенных с предпочтением не должно ущемлять интерес контрагента в той части, которая превышает недостающую разницу между стоимостью конкурсной массы и общим размером требований кредиторов. Однако необходимо учитывать, что на примере такого признака банкротства, как недостаточность имущества, мы знаем, как трудно определить стоимость активов должника, а оценить стоимость реституционного требования на практике еще сложнее.

Другие многочисленные примеры разрешения коллизии интересов добросовестных кредиторов, например залогодержателей, получивших удовлетворение

за счет предмета залога в периоды подозрительности и предпочтительности, с интересами кредиторов по формированию конкурсной массы читатель также сможет найти на страницах этой книги.

Особое место в ней занимает блок вопросов, связанных с оспариванием сделок, имеющих в своей основе реализацию участниками корпорации своих корпоративных прав. Данный аспект оспаривания сделок при банкротстве наиболее актуален в настоящее время в связи с тем, что фигура юридического лица как искусственного субъекта нередко используется в качестве некоей ширмы и средства для манипуляций активами внутри группы, включая создание мнимой задолженности, что неизбежно сопряжено с нарушением интересов кредиторов подконтрольных юридических лиц, входящих в группу.

Применительно к оспариванию сделок при банкротстве факт аффилированности кредитора влияет прежде всего на применяемые судами стандарты доказывания недобросовестности кредитора. Так, на примерах судебной практики показаны различия в стандартах доказывания в случаях заключения сделок, обеспечивающих займы, независимым кредитором и кредитором, входящим в группу. Независимый от группы заемщика кредитор, предоставивший денежные средства по договору займа, заинтересован в создании дополнительных гарантий реального погашения долговых обязательств (предоставлении залога и / или поручительства), а потому доказывание недобросовестности такого кредитора осуществляется лицом, ссылающимся на данный факт (ч. 1 ст. 65 АПК РФ). В любом случае кредитор, не являющийся участником отношений внутри группы, не должен подтверждать собственную добросовестность строгими средствами доказывания, пытаясь опровергнуть неочевидные претензии поручителя (залогодателя). Напротив, как следует из приведенной судебной практики в случае внутригруппового займа, именно аффилированные между собой займодавец, заемщик и поручитель (залогодатель) должны обосновать экономическую целесообразность заключения обеспечительной сделки — в ином случае во включении требования в реестр может быть отказано ввиду наличия в действиях сторон злоупотребления правом.

Также не остались без должного внимания и наиболее спорные вопросы переквалификации займов участников корпораций в капиталозамещающее финансирование, что имеет своим последствием отказ во включении требования, основанного на займе, в реестр требований кредиторов наряду с требованиями независимых кредиторов. Априори участник, особенно с преобладающей долей участия, влияет на управление корпорацией посредством назначения директора, одобрения сделок и проч. Если, узнав о негативных результатах своего управления, участник избирает такой способ устранения негативных последствий своего воздействия на деятельность корпорации, как заем, а не увеличение уставного капитала, то при заявлении таким участником требования о включении в реестр требований кредиторов на последнего переходит бремя доказывания гражданско-правовой природы обязательства, раскрытия экономических мотивов выбора конструкции займа. Такой подход судебной практики

отражает принятый, в частности, в американской системе права механизм переквалификации займов в корпоративное требование, что исключает возможность перераспределения голосов участников (акционеров) при банкротстве корпорации в свою пользу в ущерб независимым кредиторам. Однако следует отметить, что не всегда на практике заемное обязательство имеет цель прикрыть именно корпоративное финансирование, поэтому приведенные примеры судебных споров требуют очень внимательного прочтения и анализа.

В работе раскрыты и другие острые вопросы оценки при банкротстве сделок и иных действий участников, имеющих корпоративный характер, как направленных на вывод активов и причиняющих вред кредиторам. При прочтении книги отмечается общая тенденция судебной практики к оценке корпоративных действий (например, создание дочернего хозяйственного общества за счет имущества должника с последующим увеличением уставного капитала, сопряженным с дополнительной эмиссией акций или внесением вклада третьего лица) как ничтожной сделки в их совокупности, взаимосвязанности и общей экономической направленности, что создает большую защищенность интересов кредиторов. Представляется, что возможность оспаривания корпоративных действий участников должника в значительной степени зависит от профессионализма юристов, сопровождающих процедуры банкротства. Повышению такого профессионализма во многом способствует настоящая работа.

Предисловие неспособно вместить все те интересные и познавательные мысли, которыми полна данная книга. Это обстоятельство делает необходимым ее тщательное прочтение читателем, увлеченным проблематикой оспаривания сделок при банкротстве, без дальнейших предисловий и комментариев с нашей стороны. Предлагаем без промедления приступить к самостоятельному изучению книги!

ВВЕДЕНИЕ

На основании продолжительного исторического опыта законодатель признает ряд сделок несостоятельного опровержимыми со стороны конкурсного управления, потому что в громадном большинстве случаев они скрывали в себе злое намерение должника причинить ущерб кредиторам¹.

Г. Ф. Шершеневич

Действующее банкротное законодательство предоставляет кредиторам достаточно широкий инструментарий для защиты своих прав и законных интересов в банкротном деле, к которому, в частности, можно отнести обжалование действий (бездействия) арбитражного управляющего, решений собрания кредиторов, а также оспаривание сделок и привлечение контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности.

При этом по статистике одним из наиболее эффективных средств защиты прав и законных интересов кредиторов является оспаривание сделок должника и иных сделок, совершенных за счет его имущества.

По данным Судебного департамента при ВС РФ², в 2017 году в рамках дел о банкротстве было рассмотрено 22 194 заявления об оспаривании сделки должника, из которых удовлетворено 11 611, то есть 52,3%.

По данным ЕФРСБ³, в 2015—2017 годах судами было удовлетворено примерно 46% от рассмотренных заявлений о признании сделок должника недействительными.

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. — М.: Статут, 2000. — С. 270.

² www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls.

³ www.fedresurs.ru/helps/news/Итоги%20процедур%202017.pdf

По данным ЕФРСБ

Из-за использования различных методик сбора информации данные Судебного департамента при ВС РФ и данные ЕФРСБ значительно различаются по количественным показателям, однако процентное соотношение рассмотренных и удовлетворенных заявлений сходное: удовлетворяется практически каждое второе заявление о признании сделки должника недействительной.

Сложно представить себе такие цифры лет десять назад, когда признание сделки должника недействительной было относительно нечастым явлением.

Эффективность оспаривания сделок повысилась во многом благодаря Федеральному закону от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который дополнил Закон о банкротстве главой III.1 «Оспаривание сделок должника» и признал утратившей силу ст. 103 Закона о банкротстве («Недействительность сделки, совершенной должником»), а также последующему принятию Пленумом ВАС РФ Постановления № 63.

К сожалению, приходится констатировать, что последние изменения в Постановлении ВАС РФ № 63 были еще в 2013 году. При этом после ликвидации ВАС РФ по состоянию на начало 2019 года Пленум ВС РФ принял всего лишь три постановления, посвященных исключительно практике применения банкротного законодательства, а Президиум ВС РФ вообще не принимал постановлений по вопросам банкротства.

Поэтому неудивительно, что флагманом развития российского банкротного права стала Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ.

Именно благодаря ей практика обогащается новыми правовыми позициями и постоянно возникают поводы для бурного обсуждения в юридической среде.

Конечно, определения, вынесенные судебными коллегиями ВС РФ по конкретным делам, *de jure* не являются одним из элементов механизма обеспечения единства судебной практики.

Так, КС РФ в Постановлении от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других» указал, что действующее законодательство не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии ВС РФ, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ внес изменения в процессуальное законодательство указанием на то, что в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки не только на постановления Пленума ВС РФ и сохранившие силу постановления Пленума ВАС РФ по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума ВС РФ и сохранившие силу постановления Президиума ВАС РФ, но и на обзоры судебной практики ВС РФ, утвержденные Президиумом ВС РФ (ч. 4 ст. 170 АПК РФ, ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ).

Однако в указанном постановлении КС РФ отметил также, что не изменяет свойства судебных актов, вынесенных судебными коллегиями ВС РФ по конкретным делам, и факт их включения в обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом ВС РФ, поскольку при решении вопроса о включении в обзор того или иного судебного акта, вынесенного судебной коллегией ВС РФ, рассмотрение самого дела в процедуре, предусмотренной процессуальным законом, не происходит.

Таким образом, на законодательном уровне не закреплён обязательный статус правовых позиций ВС РФ, изложенных в определениях судебных коллегий, даже тех, которые включены в обзоры судебной практики ВС РФ, утвержденные Президиумом ВС РФ.

Тем не менее такие определения *de facto* играют большую роль в обеспечении единообразного применения законодательства. На практике суды в обоснование своих выводов ссылаются на кассационные определения ВС РФ.

При этом сам ВС РФ активно ссылается не только на постановления Пленума ВАС РФ и Пленума ВС РФ, но также на постановления Президиума ВАС РФ и свои же определения. Например, в Определении от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652(2) по делу № А43-10686/2016 есть ссылки на одно постановление Президиума ВАС РФ и три определения ВС РФ, а в Определении от 21.02.2018

№ 310-ЭС17-17994(1, 2) по делу № А68-10446/2015 в обоснование позиции ВС РФ привел доводы из шести своих определений.

С момента своего создания Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в заседаниях приняла более 200 определений, которые затрагивают вопросы, связанные с оспариванием сделок при банкротстве и применением последствий их недействительности. Данные вопросы рассматривались не только в рамках соответствующих споров, но и в процессе разрешения иных споров, в частности при рассмотрении заявлений кредиторов о включении их требований в реестр требований кредиторов должника или обжаловании бездействия арбитражных управляющих.

Например, в Определении ВС РФ от 22.08.2016 № 304-ЭС16-4218 по делу № А46-13473/2014 рассматривался вопрос о применении к должнику правил о банкротстве застройщика. Казалось бы, причем тут недействительность сделок? Однако, как указал ВС РФ, нижестоящие суды должны были дать оценку доводам о при-творности сделок должника и аффилированного лица, направленных на обход законодательства об участии в долевом строительстве.

В настоящее время этот огромный массив правовых позиций ВС РФ и правового наследия Президиума ВАС РФ, которое не успело войти в Постановление ВАС РФ № 63, не упорядочен, и это доставляет определенные неудобства для любого практикующего юриста и судьи.

В связи с этим возникла идея систематизировать законодательство и судебную практику на уровне высших судов в виде настоящей книги. При этом автором было изучено также несколько тысяч судебных актов на уровне арбитражных апелляционных судов и арбитражных судов округов по данной теме. На основе анализа данной судебной практики автором выявлены правовые проблемы, связанные с оспариванием сделок, и сложившиеся подходы к их разрешению. Однако автор принципиально не ставил перед собой задачу разобрать все эти проблемы, выбрать правильные или предложить свои варианты их решения, так как многие из них требуют глубокого научного исследования, что выходит за рамки выбранного формата работы.

В электронной версии данной книги для удобства работы имеется также уникальное приложение — сборник постановлений Президиума ВАС РФ и определений судебных коллегий ВС РФ по вопросам, связанным с оспариванием сделок при банкротстве и применением последствий их недействительности, по состоянию на 1 января 2019 года.

Учитывая утилитарную направленность данной книги, хотелось бы предоставить и практические рекомендации, но оспаривание сделок при банкротстве настолько широкая тема, что сложно давать общие советы без перехода к каким-либо отдельным вопросам. Тем не менее при оценке и анализе сделок должника на предмет их недействительности можно руководствоваться следующим.

Во-первых, целесообразно сделать следующий таймлайн с указанием даты (предполагаемой даты) возбуждения банкротного дела и исчислением периодов подозрительности и предпочтительности:

Данный таймлайн необходим для определения возможных оснований для признания сделок должника недействительными: исходя из временных критериев, какие сделки подпадают под специальные основания, предусмотренные главой III.1 Закона о банкротстве, а какие — под общие, предусмотренные гражданским законодательством (например, по ст. 10 и 168 ГК РФ).

При этом нужно иметь в виду, что согласно судебной практике для квалификации сделки, при совершении которой в период подозрительности и предпочтительности допущено злоупотребление правом, как ничтожной по ст. 10 и 168 ГК РФ необходимо устанавливать ее пороки, выходящие за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок. Данная правовая позиция была впервые сформулирована в Постановлении Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 № 10044/11 по делу № А32-26991/2009 и в дальнейшем неоднократно подтверждалась ВС РФ (см., например, Определения ВС РФ от 24.10.2017 № 305-ЭС17-4886(1) по делу № А41-20524/2016, от 31.08.2017 № 305-ЭС17-4886 по делу № А41-20524/2016).

Во-вторых, следует определить круг лиц, заинтересованных по отношению к должнику (в том числе аффилированных лиц, лиц, входящих в одну группу лиц с должником).

При этом необходимо иметь в виду, что судебная практика исходит из возможности доказывания наличия статуса заинтересованного лица через наличие не только юридической аффилированности, но и фактической аффилированности, когда структура корпоративного участия и управления искусственно позволяет избежать формального критерия группы лиц, однако сохраняется возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности (см., например, Определения ВС РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015, от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014).

Заинтересованность лица по отношению к должнику имеет правовое значение, в частности, в следующих случаях:

- при оспаривании подозрительной сделки, совершенной с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве):
  - 1) цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена в отношении заинтересованного лица;
  - 2) предполагается, что другая сторона знала о совершении сделки с целью причинить вред имущественным правам кредиторов, если она признана заинтересованным лицом;
- при оспаривании сделки с предпочтением, совершенной не ранее чем за 6 месяцев и не позднее чем за 1 месяц до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве), предполагается, что заинтересованное лицо знало о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества;
- согласно правовой позиции, изложенной в Определении ВС РФ от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396 по делу № А09-1924/2013, к сделкам, совершенным в процессе обычной хозяйственной деятельности, не могут быть отнесены сделки, совершенные при наличии обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контрагента несостоятельного должника, который, в частности, согласился принять исполнение без учета принципов очередности и пропорциональности, располагая информацией о недостаточности имущества должника для проведения расчетов с другими кредиторами. При этом заинтересованное лицо презюмируется осведомленным о соответствующем финансовом состоянии должника (см., например, Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.05.2018 № Ф07-3581/2018 по делу № А56-61019/2014 и от 03.05.2018 № Ф07-3002/2018 по делу № А66-334/2016, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.07.2017 № Ф09-8490/16 по делу № А50-5545/2015).